

Россия - 2003 - 14 февр. - с. 11

Тихая Голгофа Губайдулиной

Ян Смирницкий

В апреле в Бостоне Большим симфоническим оркестром под управлением дирижера Курта Мазура будет впервые исполнено 20-минутное произведение Софии Губайдулиной «Свет конца». Сейчас София Асгатовна страница за страницей переписывает черновые наброски набело.

На каждый лист партитуры у нее уходит четверть часа. А всего таких листов — сто. Работы много. Устает, конечно. Но хоть одна ее мечта сбылась: живет София Асгатовна уже 10 лет в тихом месте, в маленькой немецкой деревушке Аппен под Гамбургом. Это селение буквально в две улицы посреди мирной природы — речки, полей...

София Асгатовна очень любит гулять в полях, и даже по ночам, приводит мысли в порядок, снимает ненужные переживания. Из разговора с ней я понял, что контрактов на ее музыку так много, что их хватит, как говорится, на всю оставшуюся жизнь. Но ни одного — из России. Лишь однажды Станислав Говорухин предложил Губайдулиной написать музыку для своего нового фильма, какого, София Асгатовна так и не успела понять, потому что сразу же отказалась. Прикладной музыке она предпочитает авторскую.

Ее жизнь в Германии мало отличается от жизни в России, если иметь в виду мироощущение: «В Москве я тоже стремилась к одиночеству, отключала телефон...» Кстати, Губайдулина продолжает оставаться гражданкой России. И русский язык считает одной из основ своего творчества.

— София Асгатовна, после серии концертов в Москве на ваше семидесятилетие большинство музыкальных критиков буквально перемыло по косточкам вас и вашу музыку. Но, может, это и есть самая нормальная реакция?

— Не думаю, что это нормально. Я не доверяю критикам, поскольку их отношение к музыке очень индивидуально, из-за чего они не видят общей проблемы. А проблема в том, что духовно активный слушатель исчезает, его подменяют люди, стремящиеся к расслаблению, забалднению, как это называется.

— По одной из версий дальнейшего развития

классической музыки скорее не слушатели, а композиторы могут исчезнуть как класс.

— Не хочется верить в это. Активность отдельных персон — творцов, личностей сильных — как раз и распространяется на то, чтобы заполнить пустоты вокруг себя, несмотря на ничтожное финансирование, безызвестность, звуковую инфляцию, за которой они не слышны... Нет, не исчезнут эти живые ростки, благодаря которым мы не лишаемся главного. За это я не беспокоюсь.

— Ваша судьба композитора — нелегкая судьба. Половину жизни вы были под запретом...

— Да, в те годы любую партитуру перед представлением на концерт надо было положить на стол чиновнику из Министерства культуры.

— И что он отвечал?

— «Нет зрелости, молодой человек, нет зрелости».

— Музыка многих художников шла как противопоставление внешним условиям жизни.

— Для меня все внешнее отходит вдалеке перед интуитивным слышанием. Так было и так остается. Бывает тяжело, но надо уметь растворить в себе эту тяжесть ради музыки. Доминанта моей жизни — не реакция на мир, а пребывание души в духе.

— Многие воспринимают Губайдулину как необычайный музыкальный масштаб, выражаемый в большом хоре, органе, симфоническом оркестре, редких по звучанию национальных инструментах... И все это разом, все это ярко.

— А на самом деле я пишу очень простую музыку в смысле овладения ею оркестрантами. Что до масштаба, то я просто всегда начинаю с созерцания общего. Слышу всю эту громадную гору. Это — самый важный момент моей личной жизни: я испытываю трепет перед ненаписанным, перед еще не зафиксированным на бумаге. Это

потом уже приходит техника, отдельные звучания превращаются в скрипки, тромбоны или в орган... Но это все после. Сначала — взлет!..

— Не страшно? Это пусть в энциклопедиях пишут: «Крупный композитор», — но вы всего лишь хрупкая женщина.

— Восторженность — это мое самое любимое состояние. Оно не опасно. Пока музыка в тебе — это эйфория. Но попробуй ее материализовать в этом несовершенном мире — вот с этого и начинается распытие художника. Композиторство — это искусство оптимального компромисса, я признаюсь вам, что слышу всегда больше и по-другому, чем это получается потом на концерте. И я ничего не могу сделать: есть диапазон скрипки, человеческого голоса, у всего есть границы, в которые надо уложиться. Я это называю сопротивлением материала. Мое первое интуитивное слышание — это естество, а то, чем я занимаюсь в последующем, — это искусство, от слова «искусственный». И каждое исполнение моей музыки оборачивается для меня шестивем на Голгофу, я

понимаю, что все не так...

— И это говорите вы. А каково слушателю?

— У моих сочинений есть форма, и я смею надеяться, что слушатель из этой формы выйдет на дух. Только надежда мною движет. Хотя бездарный слушатель легко эти надежды рушит.

— В одном из ваших произведений солист из хора лишь открывает рот, имитируя звук при полной тишине оркестра... Вы можете последовать за модным утверждением, что «тишина — это и есть идеальная музыка»?

— Пустота есть самая великая полнота. Но человек так часто намеренно преувеличивает разные свойства, а это ведет к исчезновению музыки. Я не хочу закавыченных утверждений, подобных вашему, за которыми в итоге ничего более не стоит, кроме точки. А точка — это смерть. Истина никогда не лежит на краях, она где-то в золотой середине, она — в творческом процессе, в вибрации между плюсом и минусом. А стоит до конца сформулировать мысль, как тут же вы теряете способность к жизни.